

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76

ОТЗВУКИ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Киселева И. А., Поташова К. А.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрытие влияния поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на художественный мир Лермонтова, на его представления о женском идеале и сущности любви.

Процедура и методы. Объектом исследования является рецепция Лермонтовым поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в аспекте художественного претворения её сюжетики, образности, духовного содержания. Посредством анализа таких лермонтовских произведений, как «Грузинская песня», «Две невольницы», поэтического послания «На светские цепи...» даётся целостное исследование динамического восприятия Лермонтовым пушкинской поэмы. Методология работы связана с использованием биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического, эстетического подходов, позволяющих выявить творческие переклички Пушкина и Лермонтова, уточнить особенности личного восприятия человека и специфику художественного метода двух поэтов.

Результаты. Художественное осмысление поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» у Лермонтова двухэтапно. Если на раннем этапе творчества он воспринимает и претворяет в своей поэзии её сюжетику и наиболее яркие черты изображённых характеров, то в зрелом творчестве «Бахчисарайский фонтан» получает онтологическое осмысление, связанное с пониманием женской красоты и феномена любви как духовной силы, определяющей состояние человека и судьбы истории. Наиболее значимым в усвоении пушкинской традиции представляется посвящённое М. А. Щербатовой стихотворение «На светские цепи...». Женский образ в стихотворении Лермонтова являет собой синтез художественного опыта Пушкина, воспринятого Лермонтовым в доверии постоянной памяти его текста, и его личного опыта восприятия духовного начала женской красоты.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с уточнением особенностей преломления пушкинской традиции в творчестве Лермонтова, с конкретизацией значения пушкинского текста в формировании мирозерцания Лермонтова.

Ключевые слова: женский идеал, красота, Лермонтов, литературная традиция, портрет, Пушкин

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00207, «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика».

ECHOES OF A. S. PUSHKIN'S POEM "THE FOUNTAIN OF BAKHCHISARAI" IN THE ARTISTIC WORLD OF M. Y. LERMONTOV

I. Kiseleva, K. Potashova

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the influence of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" on Lermontov's artistic world, on his ideas about the female ideal and the essence of love.

Methodology. The object of the study is Lermontov's reception of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" in the aspect of the artistic implementation of its plot, imagery, and spiritual content. Through the analysis of such Lermontov's works as "The Georgian Song", "Two Slaves", the poetic message "On secular chains ...", a holistic study of Lermontov's dynamic perception of Pushkin's poem is given. The methodology of the work is connected with the use of biographical, cultural-historical, comparative-historical, aesthetic approaches, which make it possible to identify the creative roll calls of Pushkin and Lermontov, to clarify the features of a personal perception and the specifics of the artistic method of the two poets.

Results. Lermontov's artistic interpretation of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" is two-stage. If at an early stage of his work he perceives and implements in his poetry its plot and the most striking features of the depicted characters, then in his mature work "The Fountain of Bakhchisarai" receives an ontological understanding associated with the understanding of female beauty and the phenomenon of love as a spiritual force that determines the human condition and the fate of history. The poem dedicated to M. A. Shcherbatova "On secular chains ..." is the most significant in the assimilation of the Pushkin's tradition. The female image in Lermontov's poem is a synthesis of Pushkin's artistic experience, perceived by Lermontov in the trust of the constant memory of his text, and his personal experience of perceiving the spiritual principle of female beauty.

Research implications. The theoretical significance of the study relates to the clarification of the peculiarities of the refraction of the Pushkin's tradition in Lermontov's work and the concretization of the meaning of the Pushkin's text in the formation of Lermontov's worldview.

Keywords: female ideal, beauty, Lermontov, literary tradition, portrait, Pushkin

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00207, "M. Y. Lermontov's Lyrics of 1840: textual criticism, axiology, poetics".

Введение

Будучи художником глубоко оригинальным, Лермонтов обладал особой восприимчивостью к чужому тексту, и центральное место в его художественном мире занимает пушкинская поэзия. Влияние Пушкина на эстетическую систему Лермонтова – тема обширная и многогранная, не раз становившаяся предметом научного исследования, начиная ещё с вышедших в середине XIX в. статей «полемиического тона» [16, с. 139] о литературном преемстве Лермонтова по отношению к его великому предшественнику. Так, например, читаем у А. Д. Галахова: «Лермонтов, который в некоторых стихотворениях пишет стихом Жуковского, в "Новоселье", "Трёх пальмах", "Дарах Терека", "Споре", "Тамаре", возвысился до Пушкина, а в "Думе" и "Герое нашего времени" стал выше их» [4, с. 35]. Каждое новое обращение Лермонтова к творчеству Пушкина обнаруживает множество созвучий в историософских и гражданственных

идеях, связанных с «представлением об историческом значении России» [7, с. 98], в размышлениях об избранничестве поэта, ставших первым «опытом интерпретации» [8, с. 123] пушкинского «Пророка», явившегося «частью духовной вселенной Лермонтова» [8, с. 125]. В то же время в кругу многочисленных исследований творческих переключек двух поэтов не становилась предметом целостного исследования рецепция поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1823), отмечался лишь сам факт увлечения Лермонтовым «выдающимся произведением русской романтической поэзии» [15, с. 225], отразившийся в ранних поэмах, а также общность «фабульной схемы» [3, с. 360] пушкинской поэмы и «Двух невольниц» Лермонтова. Целью исследования является раскрытие влияния поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на художественный мир Лермонтова, на его представления о женском идеале и сущности любви.

Принципы создания женских образов в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

В сравнении с другими южными поэмами Пушкина «Бахчисарайский фонтан» стал поэмой «большей зрелости» [10, с. 7], отличающейся психологизмом и пристальным вниманием к портрету. Если остальные поэмы открываются схожими бытовыми зарисовками, представленными на фоне лунного пейзажа (как, например, «Кавказский пленник»: «В ауле, на своих порогах, / Черкесы праздные сидят. / ... // Текут беседы в тишине; // Луна плывёт в ночном тумане»¹), то в этой поэме кристаллизуется характер человека во всей его сложности, переданной посредством контрастов и парадоксов, введения в повествование истории каждого героя. Читатель сразу же видит Гирея, «хана грозного», воинственность которого понятна из риторических вопросов-перечислений того, отчего он может пребывать в унынии («На Русь ли вновь идёт войною, / Несёт ли Польше свой закон, / Горит ли местию кровавой»²), но в настоящем его не занимают войны и «бранная слава», на «сумрачном его лице» заметны «приметы печали»³, вызванные безответной любовью к пленённой христианке Марии. Согласно эстетике романтизма, поэма представляет собой сонм контрастов. С одной стороны, показана размеренная жизнь восточного гарема в многообразии его деталей, жизнь здесь, как точно отмечает И. В. Киреевский, «тесно соединена с окружающими предметами» [10, с. 7], слагающимися в общий образ, передающий неспешность бытия: «В прохладе яворов густых / Гуляют лёгкими роями»⁴; Вокруг игривого фонтана / На шёлковых коврах оне / Толпою ревзую сидели»⁵. С другой

стороны, этому наслаждению противопоставляется порядок, который охраняет «сторож неотлучный»⁶, размеренность («В гареме жизнью правит лень»⁷) переходит в неестественно тянущееся время («Для них унылой чередой / Дни, месяцы, лета проходят»⁸), восхищение первозаданной красотой и «детской радостью» жён Гирея, переданной в сравнениях с миром природы («Прелестниц обнажённый рой»⁹) чередуется с именованием их «пленницами». Жёны сравниваются с «аравийскими цветами», живущими «за стёклами теплицы»¹⁰, что и акцентирует их диковинную красоту, не терпящую грубого обращения, но вместе с тем вносят негативный оттенок, выражением которого оказывается и рифма «теплицы» – «темницы» («В тени хранительной темницы / Утаены их красоты»¹¹).

На этом оценочно контрастном фоне Пушкин показывает крупным планом два женских образа – Марии и Заремы, – которые одновременно схожи и противоположны, обе они родились в христианской культуре, но если Мария пытается сохранить свою веру, то попавшая в плен ребёнком Зарема принимает нормы культуры ислама. Обе героини выросли на воле, в истории Марии поставлен акцент на отеческой любви и свободном волеизъявлении: «Для старика была закон / Её младенческая воля»¹². Красота её уподобляется цветущей весне: «Была, как вешний день, ясна»¹³. Рождённая на Кавказе Зарема также должна была расти в естественной среде, наложившей на неё отпечаток своенравия: «Я помню горы в небесах, / Потoki жаркие в горах, / Непроходимые дубравы, / Другой закон, другие нравы»¹⁴. «Другие нравы» – это отсутствие «теплиц» / «темниц», это мир вольности и природы. Не

¹ Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 93.

² Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 155.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 160.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 165.

случайно Зарема вспоминает природу, которой в сценах изображения гарема почти нет. Обе героини сохраняют память о родной земле, не только Мария тоскует о своём прошлом, но и Зарема говорит о памяти сердца («но минувших дней / Предметы в памяти моей / Доныне врезаны глубоко»¹). И Мария, и Зарема прекрасны, как и все «пленницы», но всё же своей особенной красотой эти две героини выделяются из всех «прелестниц» хана Гирея. Красота обеих пленительна, разница лишь в том, что очаровывают они по-своему, в соответствии со своим внутренним миром. В красоте Марии подчёркивается возвышенный идеал: «Всё в ней пленяло: тихий нрав / Движенья стройные, живые»², такой образ позднее Пушкин представит ещё более развёрнуто в стихотворении «Красавица»: «Всё выше мира и страстей; / Она покоится стыдливо / В красе торжественной своей»³. Образ неземной красоты дополняется искренним хранением христианской веры: «Хранит один святой залог, // Одно божественное чувство»⁴, уподоблением ангелу: «Казалось, ангел почивал / И сонный слёзы проливал»⁵.

Красота Марии пленяет хана Гирея и рождает у него не только желание обладания, но и чувство преклонения. Красота Заремы иная, Отчизна ещё способна оживать в её детских воспоминаниях, но её личность подчинена страсти. Если Мария полна «смиренной верой», то Зарема, будучи, как ретроспективно показывает Пушкин, в том же положении, как Мария, уже «послушным сердцем ожидала»⁶ любви Гирея. Сама о себе она говорит: «Но я для страсти рождена»⁷. Умалчивая точ-

ный ответ, что стало причиной гибели Марии, и называя поэму символическим топосом, Пушкин размышляет в произведении о двух типах женской красоты – возвышенной, визуально представляемой в духе классической традиции с «томно-голубыми глазами»⁸, и страстной – с очами «чернее ночи»⁹, гармонически связанным с земным миром. Создавая образы двух красавиц, Пушкин не только использует классические штампы блондинки и брюнетки, но представляет их психологически и онтологически наполненными, обнаруживая в романтической поэме возможности духовного реализма.

Поэма «Бахчисарайский фонтан» как объект внимания Лермонтова

О том, что Лермонтов был не просто знаком с поэмой Пушкина «Бахчисарайский фонтан», напечатанной в 1824 г. отдельным изданием в Москве, но и восхищён этим произведением, свидетельствует сделанный им в 1827 г. список поэмы в альбоме, условно названном «Тетрадь с копиями чужих произведений»¹⁰. Примечательно и то, что запись «Бахчисарайского фонтана» стала одним из первых известных автографов Лермонтова. Поэма переписана им практически в полном объёме за исключением «десяти стихов, посвящённых ночью Бахчисараю, и двух стихов из монолога Заремы» [15, с. 231]. Интерес Лермонтова к пушкинской поэме мог быть связан и с его генеалогией, известно, что по линии деда со стороны матери Лермонтов принадлежал к роду Арсеньевых, который восходил к «ханской династии Хаджи Гиреев» [6, с. 10], один из представителей этой династии и стал прообразом хана Гирея из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина.

Известна и биографическая подробность цитирования Лермонтовым стихов из «Бахчисарайского фонтана» для характеристики своей знакомой Екатерины

¹ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 165.

² Там же. С. 160.

³ Пушкин А. С. Красавица // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 287.

⁴ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 162.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же. С. 166.

⁸ Там же. С. 160.

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ М. Ю. Лермонтов. Тетрадь с копиями чужих произведений. ОР РНБ. Ф. 429 (Лермонтов). Ед. хр. 37. Л. 8–19.

Сушковой, адресату его знаменитого стихотворения «Нищий» (1831). Описывая ситуацию светского общения молодых людей, Е. А. Сушкова вспоминала, что Лермонтов для передачи её образа использовал стихи Пушкина, что было обусловлено как их знанием, так и схожими портретными деталями в облике Е. А. Сушковой («У меня чудные волосы и я до сих пор люблю их выказывать; тогда я их носила просто заплетённые в одну огромную косу, которая два раза обвивала голову») и Заремы из «Бахчисарайского фонтана»:

*«Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи»¹.*

Лицо, причёска и особенно глаза полагаются деталями, наиболее ярко передающими образ. Эту пушкинскую традицию полидетального портрета Лермонтов усваивает, её можно увидеть в стихотворениях «Черны очи» (1831), «Первая любовь» (1831), «Очи N/N», «Свершилось! Полно ожидать», «Она поёт, и звуки тают...», (1838), «Кинжал» (1838), «Слышу ли голос твой...» (1838), «К портрету» (1840), «На светские цепи...» (1840) и некоторых других, где особенное внимание заострено на женском лице. Обладая эстетической привлекательностью, пушкинский портрет Заремы не имеет этической оценки, а её красота не уступает красоте Марии. Но если Мария Потоцкая пленяет и миловидностью, и проявлением таланта, культуры, душевной утончённости («Природы милые дары // Она искусством украшала»²), то красота Заремы природно-страстная, она неоспоримо «прекрасна», тогда как о возвышенном строе души не говорится. Хан Гирей оставляет её ради невинной Марии, «пленительные» чёрные очи Заремы ока-

зываются неспособными соперничать с небесными очами польской красавицы за сердце Гирея. Это же противопоставление образов по типу красоты можно встретить и в поэме Лермонтова «Измаил-Бей». Любовь прекрасной лезгинки Зары с её ярким южным очарованием («Две косы тёмные»³) не может затмить «голубые очи» «нежных дев ледяной полуночи»⁴. Это противопоставление является типичным для эпохи романтизма, Пушкина восторгают и «черкесские глаза» А. О. Смирновой, и полные «детской простоты» и «томных выражений»⁵ глаза А. А. Олениной («Её глаза» (1828)).

Представленные в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» два типа красоты находят своё претворение у Лермонтова. Близки поэту и пушкинские принципы портретирования, связанные с выхватыванием в женском образе выразительных глаз, в которых «акцентируется естественная искренность» [9, с. 43] и чистота, воплощённая в их светлом цвете («Глядят – и небеса играют / В её божественных глазах»⁶; «Встречу ль глаза твои / Лазурно-глубокие»⁷; «Прозрачны и сини, / Как небо тех стран, её глазки»⁸). Тёмного цвета глаза черкешенок притягивают лермонтовского героя («Взор девы сердце приковал»⁹), рождает «страсти и муки»¹⁰. Вероятно, что именно пушкинское изображение женских характеров в их антиномичности, а

³ Лермонтов М. Ю. Измаил-Бей // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 170.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Пушкин А. С. Её глаза // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 108.

⁶ Лермонтов М. Ю. Она поёт – и звуки тают... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 112.

⁷ Лермонтов М. Ю. Слышу ли голос твой... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 110.

⁸ Лермонтов М. Ю. М. А. Щербатовой // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 141.

⁹ Лермонтов М. Ю. Черкешенка // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 51.

¹⁰ Там же.

¹ Сушкова Е. А. Из «Записок» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 94–95.

² Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 160.

также мотив пленения красоты и пленения красотой, сопряжённые с мотивом любви, особенно привлекли Лермонтова в «Бахчисарайском фонтане». В стихотворении «Грузинская песня» (1829) Лермонтов изображает ситуацию трагического угасания в гареме старого армянина красоты молодой грузинки, в которой самыми прекрасными были «чёрные глаза»¹. Притом если у Пушкина гарем представлялся «теплицей», хотя и лишаящей свободы, но оберегающей красоту, то у Лермонтова он представляется своего рода крепостью («его высоки, крепки стены»²), в которой естественная природа грузинки увядает в результате преступного поступка ревнивого армянина.

В 1830 г. Лермонтов пишет короткую поэму балладного толка – «Две невольницы», в которой исследователи отмечали сюжетную близость к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина [13, с. 330] и «Корсару» Байрона. Но если Байрон в своей поэме скорее портретирует самого корсара Конрада и лишь намечает два типа женской красоты – гаремной красавицы Гюльнар, красота которой безусловна и подчёркивается в характеристике «женщина с божественным лицом»³, и добродетельной христианки Медоры, портрет которой может только угадываться по отдельным деталям: «двух голубых светил»⁴, «цветла спокойной красотой»⁵, «живая радость, всех других нежней»⁶. Примечательно, что данная Байроном характеристика «божественное лицо» отнюдь не приравнивается к воплощению «чистоты и света земных красавиц» [14], что характерно для русской поэзии первой трети XIX в., ей сопутствуют и более земные, портретные, характеристики «прекрасна, темноглаза

и строга»⁷, и подчёркивающее её страстность «бесстрашье»⁸. Однако при наличии подобных характеристик Байрон делает женские образы скорее подчинёнными, не развивая внутренней истории каждой, тогда как у Лермонтова они стоят на первом плане. В портретных характеристиках героинь Лермонтов следует и намеченным Байроном (и продолженным Пушкиным) образам темноокой и светлоокой красавиц, ставших «общекультурным идеалом той поры» [1, с. 140]. Лермонтовская Заира наделена «глазами голубыми»⁹, султан Ахмет именуется «ангел мой»¹⁰, признаётся в сильных чувствах, но гречанка не поддаётся султану, сохраняя верность своему возлюбленному («первой страсти я верна»¹¹). Гюльнара, будучи преступной красавицей, являет собой иной тип, яркой, южной красоты, поэт говорит о ней – «сидела смуглая»¹². Лермонтов не только представляет в «Двух невольницах» присутствующие в «Бахчисарайском фонтане» мотивы ревности, безответной любви, соперничества, но даёт свою, с опорой на Байрона интерпретацию гибели Марии. Если у Пушкина нет точных причин смерти Марии («Но что же в гроб её свело? / Тоска ль неволи безнадежной, / Болезнь, или другое зло?..»¹³), и Зарема не представляется злодейкой, она лишь жертва своей страсти к хану Гирею, то причиной гибели гречанки Заиры в «Двух невольницах» становятся именно преступные действия Гюльнары, недаром поэт использует и имя байроновской героини, и ставит эпитафией к произведению высказывание из трагедии У. Шекспира «Отелло» “Eware, my Lord, of jealousy” («Остерегайтесь, милорд, ревности»)¹⁴, тем самым перенося

⁷ Там же. С. 332.

⁸ Там же. С. 332.

⁹ Лермонтов М. Ю. Две невольницы // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же. С. 65.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 168.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Две невольницы //

¹ Лермонтов М. Ю. Черкешенка // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 51.

² Там же. С. 55.

³ Байрон Д.-Г. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 301.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же. С. 331.

⁶ Там же. С. 332.

акцент на губительность страсти, хотя и исторический элемент не остаётся у него в забвении и связан с пунктирно намеченной темой «освобождения христианских земель от инокультурного владычества» [7, с. 93] и аллегорическим представлением движения истории, связанной с захватом Турецкой Империей греческих земель. Синтезируя в «Двух невольницах» традиции Байрона и Пушкина, Лермонтов демонстрирует способности художественного произведения к обогащению смыслов за счёт интертекста.

Стихотворение Лермонтова «На светские цепи...» как рефлексия поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

Увлечение Лермонтова романтически поэмами Пушкина не прошло бесследно и для его позднего творчества. Образ Марии из «Бахчисарайского фонтана» для Лермонтова явился своего рода женским идеалом, поэтическое воплощение которого можно наблюдать в его стихотворении «На светские цепи...» (1840). Стихотворение привлекает внимание как собственным словесным воплощением «необычайно привлекательного внешнего и внутреннего облика героини» [12, с. 283], так и аллюзиями к «Бахчисарайскому фонтану».

Очевидно, что положенная в основу стихотворения лирическая ситуация складывается из ведущих констант художественного мира Лермонтова – «иронически-скептические» [2, с. 102] оценки светского общества и восхищение прекрасным пейзажем, в котором «сливается человеческое и природное» [2, с. 106]. Контраст усиливается противопоставлением своеобразного узничества лирической героини, подчёркиваемом метафорой «светские цепи», с её внутренней независимостью, стержнем которой является христианская вера. Это противопоставление – узничества и одновременности сохранения веры и чистоты души – является одним из компонентов сближения образа лермонтовской героини

с образом Марии из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Но если Мария – пленница, и она не могла этого предотвратить, то героиня лермонтовского стихотворения представлена как человек, проявивший свободу выбора в образе своей жизни, и её волеизъявление поэт подчёркивает («она променяла»¹). Однако это не противоречит тому, что обе героини обладают сильной волей.

В «Бахчисарайском фонтане» Пушкин по отношению ко всему гарему использует череду ассоциаций, указующих на детскость населяющих гарем Гирей жён («Толпою резвою сидели / И с детской радостью глядели, / Как рыба в ясной глубине / На мраморном ходила дне»²). Пленённая Мария также предстаёт почти ребёнком, недаром Пушкин изображает её досуг в отцовском доме, но в гареме радость она не может испытывать, т. к. возможность этого вступает в противоречие с её духовно-нравственными установками. И дело здесь прежде всего в том, что её нынешний повелитель является противником её веры. Душевное устройство Марии иерархично, её детскость как проявление природного свойства отходит на второй план, за необходимость хранить «святыню строгую» христианской веры «среди порочных упоений»³, но её вера от этого не теряет того, что подразумевается в христианской культуре под детским миром, а именно – свою абсолютность и чистоту. По отношению к своей героине Лермонтов прямо использует характеристику детства – «хранит она детскую веру»⁴, и в данном случае она служит синонимом духовной чистоты и полноты. Пушкинская Мария не испытывает любви земной, но она приобщена к источнику любви – к Богу, её томление

¹ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

² Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 158.

³ Там же. С. 162.

⁴ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 64.

в земной неволе гарема и тоска по родине становится аналогом томления души в ожидании Небесной Отчизны, которая есть образ абсолютной свободы. Как точно отметил Ю. М. Манн, «силу она нашла в слабости, постоянство духа – и уповании на высшую волю» [11, с. 65]. Эту же «надежду на Бога»¹ хранит и лермонтовская героиня, именно вера позволяет ей сохранить цельность своей личности «среди ледяного, среди беспощадного света»².

Ю. М. Манн писал о том, что «ток ассоциативности» в «Бахчисарайском фонтане» связан с глаголом «хранит» [11, с. 68]: дворец «скрывает юную княжну»³, её уединённое жилище «святыню строгою скрывает»⁴. Лирические размышления автора о хане Гирее фокусируются на том, что сердце даже в своих заблуждениях «хранит один залог святой»⁵. Развёрнутого ответа, что есть «залог святой» в прямом своём обозначении, в тексте поэмы не содержится, т. к. это «божественное чувство»⁶ обладает таинственной природой, оно именно сокрыто. Пушкинские многоточия после лирического размышления значимы. Используемый Пушкиным приём умолчания связан с попыткой осмысления им самого феномена тайны любви, который лежит в основании мира и который есть тот самый «пламень с юных дней»⁷, влекущий лермонтовского Мцыри из одноименной поэмы познать истинную свободу и любовь. Эта тайна любви меняет и пушкинского хана Гирея, обращаясь в сжигающий его «пламень безотрадный»⁸, источника которого он не понимает, но чувствует его присутствие в невинной Марии. Именно

эта тайна поразила и Лермонтова в явившейся прототипом лирической героини стихотворения «На светские цепи...» княгине М. А. Щербатовой.

При всём том, что созданный Лермонтовым образ ориентируется на пушкинскую Марию из «Бахчисарайского фонтана» и именно с ней являет выразительные текстовые переключки – как Мария «хранит один святой залог»⁹, так лермонтовская героиня «хранит» «детскую веру»¹⁰, всё же для его понимания важна вся система образов пушкинской поэмы. Рисуя неземной образ Марии, Пушкин создаёт и оттеняющий её красоту портрет прекрасной Заремы, и обобщённый портретный образ младых жён Гирея. Задавая риторический вопрос: «Но кто с тобою, / Грузинка, равен красотою?»¹¹, поэт утверждает гармоническое совершенство «звезд<ы> любви, крас<ы> гарема»¹². Страсть Заремы земная, но от этого она не перестаёт быть отблеском любви в её онтологическом понимании, любовь для грузинки – мера и напряжение жизни. Г. П. Федотов отмечал, что «где сильнее всего напряжение жизни, там ближе всего и смерть: в буре, в огне, в любви»¹³. И это онтологическое напряжение жизни чувствуется и в судьбе хана Гирея, и в судьбе Заремы. Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» раскрывает свои размышления о любви через несколько образов, через движение сюжета. Лермонтов пытается сфокусировать их в едином лирическом образе, одновременно размышляя над пушкинской поэмой и рефлексируя свой личный опыт общения с М. А. Щербатовой. Созданный Лермонтовым женский образ, наряду с неуловимостью, «исполнен<ностью> тайны»¹⁴

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 142.

³ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 161.

⁴ Там же. С. 161.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же.

⁷ Лермонтов М. Ю. Мцыри // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 163.

⁸ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 161.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

¹¹ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 159.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Федотов Г. П. О Св. Духе в природе и культуре // Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. М.: Мартис, SAM & SAM, 1998. С. 234.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... //

обладает живописной плотностью. Сравнения призваны эту живописность, осязаемую органами чувств, зрительно представить. При создании образа-портрета Лермонтов активно использует уподобления и сравнения. Только сравнительные обороты с союзом «как» в стихотворении встречаются четыре раза («как небо Украйны», «как небо тех стран», «как ветер в пустыне», «как племя родное»¹). Сравнения позволяют приблизиться к неуловимой сущности той, кем поэт восхищается. Созданный Лермонтовым образ можно видеть и осязать через портретные характеристики. Констатация румянца «на щёчках пушистых», «уст ароматных», указания на то, что глаза её «прозрачны и сини»², а кудри золотистые делают образ земным и гармоничным. Сравнение портрета с пейзажем («как ночи тех стран её глазки»³), проявления чувств с действием природной стихии («как ветер пустыни и нежат, и жгут её ласки»⁴) создают эффект превышения её образа плотского человеческого обличья. При этом ни о каком пантеистическом мировосприятии речь идти не может, лирическая героиня вмещает в себя весь зримый мир, но не исчерпывается им. Она обладает возможностью духовного выбора, присущей только человеку, обладает даром слова, характеризующегося тайной («Исполнены тайной / Слова её уст ароматных»⁵), а значит, причастно к духовной бесконечности.

Идеальный женский образ в стихотворении Лермонтова «На светские цепи...», способный нести в себе движущую мир великую тайну любви («Полюбит не скоро, / Зато не разлюбит уж даром»⁶ – так звучат финальные стихи стихотворения), являет собой синтез духовного опыта Пушкина, воспринятого Лермонтовым в доверии постоянной памяти его текста, и его личного

опыта, психических особенностей переживания женской красоты, таящей в себе тайну любви.

Заключение

«Цветок, дитя и ангел» – так определял И. А. Ильин сущность женщины, ставя во главу именно её «природную тайну», понимаемую как «нежность и красоту», которые требуют «бережливости и восхищения» [5, с. 157]. Высказывание И. А. Ильина подтверждается всей русской поэзией, но наиболее рельефно такой образ представлен в лирике Пушкина и Лермонтова. Это связано с их духовным опытом, с особенностями личного восприятия человека, но также является и результатом творческого осмысления предшествующей литературы. Заданный в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» образ прекрасной девы вдохновил Лермонтова на динамическую рефлексию о природе женской красоты. В раннем периоде Лермонтова привлекает именно пушкинский сюжет о гаремных красавицах, который, накладываясь на байроновский сюжет «Корсара», обретает логическое продолжение в связи с развитием мотива ревности («Грузинская песня», «Две невольницы»), или же обрастает аллегорической образностью для выражения имперских идей при столкновении различных культур («Две невольницы»). В позднем творчестве пушкинский текст у Лермонтова обретает большую духовную глубину, открывая возможность для постижения сущности человека, феномена любви, примером тому служит стихотворное послание М. А. Щербатовой, навеянное поэмой «Бахчисарайский фонтан». Если у Пушкина образ Марии – это почти неуловимый «гений чистой красоты», то Лермонтов раскрывает женский образ в полноте жизни, в её земном и небесном измерении, вкладывая в него и свой личный, и пережитый вместе с Пушкиным духовный опыт его героев.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

¹ Там же. С. 142.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 400 с.
2. Аношкина-Касаткина В. Н. Сиротский мотив в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (об итогах творчества поэта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 3. С. 101–109.
3. Благой Д. Д. Лермонтов и Пушкин: (Проблема историко-литературной преемственности) // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: сборник первый. М.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 356–421.
4. Галахов А. Д. Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии...». Ст. 2 // Отечественные записки. 1843. Т. 30. № 9. Отд. 8. С. 35–37.
5. Ильин И. А. Книга надежд и утешений. М.: Альта Принт, 2012, 383 с.
6. Казарин В. П., Новикова М. А. Украинский контекст творчества М. Ю. Лермонтова (некоторые методологические аспекты) // Вопросы русской литературы. 2014. № 28 (85). С. 5–23.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242
8. Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.
9. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463
10. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Путь, 1911. 300 с.
11. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
12. Назарова Л. Н. М. А. Щербатова и стихотворения Лермонтова, ей посвященные // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 278–284.
13. Нейман Б. В. Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев: Типография университета св. Владимира, 1914. 139 с.
14. Поташова К. А. Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (дата обращения: 02.06.2024).
15. Сандомирская В. Б. Лермонтовский альбом 1827 г. // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 213–232.
16. Телегина С. М. М. Ю. Лермонтов в критике журнала «Москвитянин» // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 130–165. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_2_130.

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. *Russkij romantizm*. V. A. Zhukovskij, A. S. Pushkin [Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2014. 400 p.
2. Anoshkina-Kasatkina V. N. [Orphan theme in the Poem of M. Lermontov “Mtsyri” (“The Novice”) (on the Final Results of the Poet’s Creative Work)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2011, no. 3, pp. 101–109.
3. Blagoi D. D. [Lermontov and Pushkin: (The problem of Historical and Literary Continuity)]. In: *Zhizn’ i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy: sbornik pervyj* [Life and Creativity of M. Yu. Lermontov: Research and Materials: First Collection]. Moscow, OGIZ Publ., State Publishing House of Fiction Publ., 1941, pp. 356–421.
4. Galahov A. D. [Reply to Mr. Shevryev to the Analysis of His “Complete Russian Reader...”]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 1843, vol. 30, no. 9, pp. 35–37.
5. Ilin I. A. *Kniga nadezhd i uteshenij* [Book of Hopes and Consolations]. Moscow, Alta Print Publ., 2012, 383 p.
6. Kazarin V. P., Novikova M. A. [Ukrainian Context of the Work of M. Yu. Lermontov (Some Methodological Aspects)]. In: *Voprosy russkoj literatury* [Questions of Russian Literature], 2014, no. 28 (85), pp. 5–23.

7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [The Origins and Figurative Embodiment of the Mikhail Lermontov's Imperial Consciousness]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242
8. Kiseleva I. A. [“The Prophet” (1826) by A. S. Pushkin and “The Prophet” (1841) by M. Yu. Lermontov: A Comparative Semantics of the Motifs]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.
9. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Poem by M. Yu. Lermontov “To the Portrait” (1840): Poetic of the Text and Image]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 2, pp. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463
10. Kireevskiy I. V. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 2* [Complete Works. Vol. 2]. Moscow, Put Publ., 1911. 300 p.
11. Mann Yu. V. *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1995. 384 p.
12. Nazarova L. N. [Shcherbatova and Lermontov's Poems dedicated to Her]. In: *Lermontovskij sbornik* [Lermontov collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 278–284.
13. Neiman B. V. *Vliyanie Pushkina v tvorchestve Lermontova* [The Influence of Pushkin in the Work of Lermontov]. Kiev, Printing house of the University of St. Vladimir Publ., 1914. 139 p.
14. Potashova K. A. [Raphael's Phenomenon in A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's Works: To the Problem Native and Universal]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (accessed: 02.06.2024).
15. Sandomirskaya V. B. [Lermontov's Album of 1827]. In: *Lermontovskij sbornik* [Lermontov collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 213–232.
16. Telegina S. M. [M.Y. Lermontov in the Criticism of the “Moskvityanin” Journal]. In: *Russko-Vizantijskij vestnik* [Russian-Byzantine Bulletin], 2021, no. 2 (5), pp. 130–165. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_2_130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: 79099227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: 79099227849@yandex.ru

Ksenia A. Potashova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И. А., Поташова К. А. Отзвуки поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в художественном мире М. Ю. Лермонтова // *Отечественная филология*. 2024. № 3. Т. 2. С. 66–76.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76

FOR CITATION

Kiseleva I. A., Potashova K. A. Echoes of A. S. Pushkin's Poem “The Fountain of Bakhchisarai” in the Artistic World of M. Y. Lermontov. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 66–76.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76